

тическое соотношеніе и научную опредѣленность. Тэнъ ищетъ источникъ художественнаго произведенія въ художникѣ, и всѣ способности и качества художника приводитъ къ одной способности, которая у него называется „господствующею способностью“ — „*faculté maitresse*“. Всѣ способности человѣка, — говоритъ онъ, — какъ и органы растенія, зависятъ одна отъ другой. Онъ представляетъ себѣ каждаго художника владѣющимъ одною главною способностью, которая и творитъ все. Но Тэнъ не хватаетъ такихъ преобладающихъ способностей, чтобы снабдить ими массу лицъ, а потому ему приходится, при характеристикѣ различныхъ писателей, одарять ихъ одною и тою же способностью: Шекспиръ, у Тэна, обладаетъ „сильнымъ воображеніемъ“, и Диккенсъ — также; Титъ-Ливій — ораторъ, и Викторъ Кузень — тоже, и у обоихъ ихъ ораторская способность должна направлять все. Изъ этого видно, что „господствующая способность“, установленная Тэнъ, представляетъ собою слишкомъ широкое опредѣленіе, а потому не можетъ еще дать точнаго понятія ни объ индивидуумѣ, ни о его творествѣ. Въ то же время такое опредѣленіе можно назвать и слишкомъ узкимъ, ибо духъ человѣка вовсе не такъ единообразенъ, какъ то кажется Тэнъ. Существо человѣческаго духа весьма разнообразно, весьма подвижно и сложно. Сентъ-Бёвъ хорошо выразился по этому поводу: люди, одаренные рѣдкими качествами ума, особенно люди великіе и замѣчательные, обладали не исключительно какою-нибудь одною господствующею способностью, но также и прочими человѣческими качествами, и не только въ какой-нибудь мало обыкновенной, но даже въ чрезвычайной степени; иначе они были бы замѣчательными автоматами или гениальными сумасбородами. Ихъ прочія способности группируются около способности господствующей, какъ деревня тѣснится около своей колокольни...

Единство духа, какъ его понимаетъ Тэнъ, вовсе неспособно къ разнообразію, и потому никакъ не можетъ объяснить его источника. Ошибается тотъ, кто принимаетъ единство духа за что-то обособленное; единство никогда не состоитъ въ обособленіи. Нѣтъ заблужденія, къ которому былъ бы болѣе склоненъ человѣскій умъ, какъ именно его убѣжденіе въ томъ, будто единство представляетъ собою какое-то вполне простое понятіе. Если философія встрѣчаетъ столько затрудненій для себя въ своихъ усиліяхъ постигнуть начало всего, то именно потому, что человѣкъ съ великимъ трудомъ отрѣшается отъ своей идеи о единствѣ міра, которое стояло бы внѣ этого міра. Если же единство міра не существуетъ обособленно отъ міра, то надобно до-